

УДК 821.161.1.0 + 821.131.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)53 + 83.3(4Ита)

Ланда Кристина

Болонский университет, PhD, научный сотрудник, Италия, Форли, e-mail: kristina.landa2@unibo.it

Категория «проникновения» у Вяч. Иванова и Данте: опыт духовного восхождения

Аннотация. Темы духовного восхождения и мистического экстаза у Вяч. Иванова, имеющие ключевое значение для его творчества, относительно недавно исследовались М. Цимборской-Лебодой в контексте богословия Августина и В. Махлиным в контексте бахтинского анализа творчества Ф.М. Достоевского. Также тему экстаза у Иванова и Данте затрагивает П. Дэвидсон в монографии 1989 г. Нами также предлагается рассмотрение этой темы, но в контексте теологической поэтики дантовского «Рая». Актуальность исследования заключается в том, что при внешних параллелях расхождения между дантовской и ивановской концепциями экстаза до конца не выявлены, несмотря на то, что дантовские тексты оказали значимое влияние на концепцию экстаза в программных текстах Иванова о символизме. Сопоставляя ивановскую и дантовскую модели восхождения, П. Дэвидсон усматривает принципиальное отличие ивановской концепции экстаза от дантовской в отказе Иванова от обязательности морально-этического измерения в мистическом поиске. Нами выявляется еще одно важное различие между дантовским и ивановским описаниями экстаза, которое связано с категорией «проникновения». Для этого на материале ивановских статей и дантовского «Рая» при помощи компаративного анализа категория «проникновения» рассматривается как предельная реализация трансцендирования и у Иванова, и в дантовской поэме. Подчеркивается общность концепций Иванова и Данте в отношении категории «соборности», которая заключается в том, что вертикальное отношение с высшим началом предполагает горизонтальное отношение с Другим, вплоть до духовного проникновения в Другого. Однако утверждается, что если в ивановском описании экстаза восхождение человека и художника начинается с эротического восторга, а на высшей ступени предполагает отрешение от всего земного и разлуку с ним, то восхождение у Данте, как оно описано в «Рая», сопровождается духовным взаимопроникновением в межличностных отношениях даже на вершинах мистического видения. В заключение делается вывод о том, что, хотя в других текстах Иванова тема трансцендирования раскрывается в сходном с Данте ключе, в статьях о символизме трактовка экстаза значительно отличается от его описания в «Божественной комедии».

Ключевые слова: концепция символизма Вячеслава Иванова, поэтика Данте, «Божественная Комедия», «Рай», категории «восхождение и нисхождение», дионисийский экстаз, трансцендирование, духовное «проникновение»

Landa Kristina

University of Bologna, PhD, Research Fellow, Italy, Forlì, e-mail: kristina.landa2@unibo.it

The Category of "Penetration" in Vyacheslav Ivanov and Dante: the Experience of Spiritual Ascent

Abstract. The themes of spiritual ascension and mystical ecstasy in V. Ivanov, which occupy a pivotal place in his literary production, have been recently examined by M. Tsimborska-Leboda in the context of Augustine's theology and by V. Mahlin in the context of Bakhtin's analysis of Dostoevsky's works. The theme of ecstasy has also been considered by Pamela Davidson in her 1989 monograph. The present paper proposes to analyse this very theme, but this time in the context of the theological poetics of Dante's *Paradiso*. The relevance of this study lies in the fact that, despite a number of immediately discernible parallels, the differences between Dante's and Ivanov's conceptions of ecstasy have not been fully identified yet, notwithstanding the significant influence exerted by Dante's texts on the conception of ecstasy in Ivanov's writings on Symbolism. Comparing Ivanov's and Dante's models of ascent, P. Davidson sees a fundamental difference between Ivanov's and Dante's conceptions of ecstasy in Ivanov's rejection of the moral-ethical dimension as a *sine qua non* of the mystical quest. This article reveals another important difference between Dante's and Ivanov's descriptions of ecstasy, one that concerns the category of "penetration". Focusing on Ivanov's articles and Dante's *Paradiso*, the article analyses them in relation to the category of "penetration", to be understood as the ultimate realization of transcendence in Ivanov as well as in Dante's poem. It highlights the similarity between Ivanov's and Dante's thinking as far as the category of "sobornost" is concerned, whereby a vertical relationship with the Supreme Being implies a horizontal relationship with the Other, to the extent of spiritual penetration into the Other. However, it is argued that, while in Ivanov's description of ecstasy the ascent of man and artist begins with erotic rapture and, at its highest stage, implies detachment from all earthly things and separation from them, for Dante the ascent, as described in the *Paradiso*, is accompanied by spiritual interpenetration which occurs in interpersonal communion even at the height of the mystical vision. The conclusion is that, although Ivanov's other works treat the theme of transcendence in a similar way to how it is treated in Dante, Ivanov's treatment of ecstasy in his articles on Symbolism differs significantly from its description in the *Commedia*.

Key words: V. Ivanov's Conception of Symbolism, Dante's Poetics, *Divina Commedia* [*Divine Comedy*], *Paradiso* [*Paradise*], Categories of Ascension and Descent, Dionysian Ecstasy, Transcendence, Spiritual Penetration

DOI: 10.17588/2076-9210.2023.1.152-173

Тема трансцендирования у Вяч. Иванова, имеющая ключевое значение для его творчества и философской мысли, относительно недавно исследовалась в работах М. Цимборски-Лебоды в контексте августиновского богословия¹ и В. Махлина в контексте бахтинского анализа творчества Ф.М. Достоевского².

¹ См.: Цимборска-Лебода М. О понятии «трансцензуса» у Вячеслава Иванова: к проблеме «Вячеслав Иванов и Блаженный Августин» // Вяч. Иванов: Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология: в 2 т. Т. 2 / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. С. 445–455 [1].

² См.: Махлин В. «Ты еси»: Достоевский между Вяч. Ивановым и М.М. Бахтиным // Вяч. Иванов: Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мысли-

В настоящей статье предлагается рассмотреть эту тему в контексте теологической поэтики дантовского «Рая». Духовный путь Данте как автора «Новой жизни» и «Божественной комедии» для Вяч. Иванова служит образцом для человека и художника³. Сравнив ивановскую и дантовскую модели восхождения, П. Дэвидсон выделила важное отличие ивановской концепции мистического экстаза от дантовской, указав на отказ Иванова от обязательности морально-этического измерения в мистическом поиске⁴. Нашей задачей является, прежде всего, сопоставление дантовской и ивановской поэтик взаимопроникновения.

Свою статью «О границах искусства» (1914 г.) Иванов открывает описанием мистического экстаза Данте – «одного из высочайших подъемов его духа в область сверхчувственного сознания»⁵, приведшего к созданию известного сонета «Новая жизнь», и утверждает, что текст сонета является примером того, как «в деле создания художественного произведения художник нисходит из сфер, куда он проникает восхождением, как духовный человек»⁶. Истинно символическое искусство, или реалистический символизм, предполагает как восхождение, так и нисхождение субъекта творчества, которые для Иванова не являются лишь эстетическими категориями. Как указывает М. Цимборска-Лебода, «символизм в понимании Иванова приобретает – наряду с эстетическим – также антропологическое значение и рассматривается в органической неразделенности “художественного совершенствования и духовного возраста-

телей и исследователей. Антология: в 2 т. Т. 2 / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. С. 50–76 [2].

³ Общую библиографию по теме «Вяч. Иванов и Данте» см.: Isupov K.G. *Germenevtika Vyacheslava Ivanova* // *Simvolizm i germenevtika*. Т. 18 / ред. Р. Мних, Р. Бобрык. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2012. S. 52 [3]; см. также работы, вышедшие после 2012 г.: Лаппо-Данилевский К.С. Римские поэты в трактате Данте «Монархия»: неизвестные переводы Вячеслава Иванова // *Русская литература*. 2013. № 2. С. 173–179 [4]; Топорков А.Л. Отзвуки Данте в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова // *Память литературного творчества* / под ред. Л.И. Сазоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 519–536 [5]; Полонский В.В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // *Литературоведческий журнал*. 2015. № 37. С. 111–130 [6]; Ланда К. К вопросу о дантовских влияниях в ранней поэзии Вячеслава Иванова (1904–1919): поэтика «прозрачности и отражения» // *Europa Orientalis*. 2016. № 35. С. 235–266 [7]; Панова Л. Итальянцы, русские: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М.: РГГУ, 2019. [8]; Ланда К. «Божественная комедия» в зеркалах русских переводов. К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб.: РХГА, 2020. 672 с. [9]; Каяниди Л. Вячеслав Иванов между Данте и Дионисом. Визионерский опыт поэта 1908 года и проблема тройственных союзов // *Studi Slavistici*. 2021. № 2(18). С. 57–76 [10]; Лаппо-Данилевский К.С. Переводы Вячеслава Иванова из «Новой жизни» Данте // *Studia Litterarum*. 2022. №. 4(7). С. 292–315 [11].

⁴ См.: Davidson P. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 129–130 [12].

⁵ См.: Иванов В. О границах искусства // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 629 [13].

⁶ Там же.

ния» [1, с. 450]⁷. В той же статье Иванов утверждает, что «символизм основан на принципе возрастающего духовного познания вещей и на общем преодолении личного начала не в художнике только, как таковом, и не в моменты только художественного творчества, но в самой личности художника и во всей его жизни» [13, с. 640]. Преодоление же личного начала, как объясняет Иванов в другой своей работе, «составляет существо дионисийского энтузиазма»⁸, с которого начинается мистический опыт поэта и созерцателя. Определяя дионисийский энтузиазм как первый необходимый этап не только творчества, но и всякого мистического созерцания, ведущего к экстазу, Иванов, подобно христианским мистикам, полагает его непременным условием выхода «я» созерцателя за пределы себя самого – собственно, трансцендирование. Однако этот выход, по мысли Иванова, предполагает духовное проникновение созерцателя в чужое «я», ведущее к богопознанию. Первую попытку человека покинуть пределы собственной самости как снятие границ индивидуального сознания Иванов усматривает в древних оргиастических мистериях, обязательным элементом которых являлся каннибализм, антропофагия, понятая как *проникновение* в другого в поисках божества пока еще на материальном уровне: «Древнейшие религии с их каннибализмом и исступлением, были плодотворным лоном религиозной идеи, осветившей мрак мира. <...> ... эти древние люди ... не жалели разбить сосуд своего тесного я и, только разбивая его, впервые обрели себя на воле, великие души. <...> ... оргиастические культы, и среди них преимущественно культ Диониса, поддерживали непрерывающуюся живую связь между новою мистикой и доисторической мистикой человека-каннибала. <...> ... мистическое начало в развитии человеческого миропостижения является тем необходимее, живучее и истиннее, чем глубже корни его погружаются в первозданный хаос и древнюю ночь» [17, с. 92–95].

«Ужасная действительность кровавых экстазов»⁹, взаиморастерзание и взаимопожирание предстают в трактовке Иванова символами тоски по утра-

⁷ В работах В. Терраса (см.: Terras V. The Aesthetic Categories of Ascent and Descent in the Poetry of Vyacheslav Ivanov // Russian Poetics: Proceedings of the International Colloquium at UCLA. Sept., 22–26. 1975 / ed. by T. Eekman, D.S. Worth. Columbus: Slavica, 1982. P. 393–408 [14]), Р. Берда (см.: Берд Р. Катарсис–Матезис–Праксис: Мистическая триада в эстетике Вяч. Иванова // *Eurogra Orientalis*. 2002. Вып. 1(21). С. 289–413 [15]) и Л. Силард (см.: Силард Л. К проблеме теургического постулата // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 307–346 [16]) также убедительно показывается, что восхождение и нисхождение следует рассматривать равно в эстетической и духовной/религиозной/теургической плоскости. В частности, согласно Террасу, при том, что восхождение и нисхождение – понятия родом из неоплатонической философии – могут использоваться как категории ивановской поэтики (наряду с такой литературоведческой категорией, как мотив). Берд вписывает эту ивановскую дихотомию в герменевтическую концепцию, основанную на диалектике катарсиса (страдания-очищения-познания); Силард обнажает ее связь с герметической традицией, в частности с идеями Джордано Бруно.

⁸ См.: Иванов В. Эллинская религия страдающего бога / под ред. Г. Гусейнова // *Символ*. 2014. Вып. 64. С. 198 [17].

⁹ Там же. С. 91.

ценному единству между людьми и божественным началом и сущностными элементами первого – в действительности благотворного – этапа духовного процесса, который в ходе своего развития на протяжении человеческой истории приводит ищущих к мистическому постижению друг друга – духовному взаимопроникновению – и через него к встрече с божеством.

Р. Уэст и М. Аксенов-Меерсон определяют концепт «проникновение» вообще как «центральную мысль ... персоналистской эстетики»¹⁰ Иванова: «проникновение» связано для него с религиозным опытом любви и неотъемлемо от измерения человеческих отношений и от осознания себя как существующего субъекта. Несомненно, на формирование самого образа взаимной проницаемости субъекта-объекта повлияли идеи Вл. Соловьева: «Если корень ложного существования состоит в непроницаемости, т. е. во взаимном исключении существ друг другом, то истинная жизнь есть то, чтобы жить в другом, как в себе. <...> По мере того, как всеединая идея действительно осуществляется чрез укрепление и усовершенствование своих индивидуально-человеческих элементов, необходимо ослабевают и сглаживаются формы ложного разделения, или непроницаемости существ в пространстве и времени» [19, с. 181].

Подробное же определение «проникновения» дается Ивановым в его работе о Достоевском: «Проникновение есть некий *transcensus* субъекта, поскольку речь идет о таком его состоянии, при котором он оказывается способным воспринимать чужое *Я* не как объект, а как другой субъект. То есть это не периферическое распространение границ индивидуального сознания, но почти что полная смена привычной ему системы координат на прямо противоположную. И только во внутреннем опыте открывается возможность подобной переоценки: в переживании истинной любви к человеку, которая потому и есть единственное реальное познание, что она совпадает с абсолютной верой в реальность любимого, а также в самоотдаче и самоотчуждении личности вообще, лежащими уже в основе пафоса любви. Это проникновение находит свое воплощение в безусловном утверждении, всею волею и всем разумением, чужого бытия – в “ты еси”. <...> “Ты еси” – не значит более “ты познаешься мною, как сущий”, а утверждает, что “твое бытие переживается мною, как мое, твоим бытием я снова познаю себя сущим”» [20, с. 28].

Духовное проникновение «я» созерцателя в «Ты» другого человека – неременное условие богопознания по Иванову. Как поясняет мысль поэта М. Аксенов-Меерсон, «всякий раз когда мы адресуем свою любовь другому со словами “Ты еси”, растворяя себялюбие в бытии Другого, мы освобождаемся из тюрьмы нашего релятивизма. Тогда в нас пробуждается высшее я» [18, с. 214]. В таких отношениях с Другим находит отражение «внутренняя диалектика я – ты»¹¹, присущая, по мысли Иванова, и самой личности человека, которая должна расколоться на две

¹⁰ См.: Аксенов-Меерсон М. Созерцанием Троицы святой... Парадигма любви в русской философии Троичности. Киев: Дух и літера, 2008. С. 142 [18].

¹¹ Там же. С. 132.

сферы, чтобы душа могла найти в себе божественное «Ты»¹². Переживание «Ты» Другого в изображении Достоевского комментируется Ивановым как содержащее «в себе постулат Бога как собственно реальности»¹³. Как известно, в той же книге Иванов неоднократно упоминает Данте, сравнивая его с Достоевским, как великого учителя духовного пути¹⁴: «Для обоих поэтов цель “целого и каждой его части, – если повторить слова Данта о его поэме, – освободить живых еще при жизни от их несчастного состояния и привести их к блаженству”. Для обоих путь к достижению их цели – в религиозной истине; оба прияли “пелену поэзии из руки Истины”. Для обоих поэтическое видение есть пелена, через которую взгляд может проникнуть и за которой открывается тайна иных миров. Особенности культурной среды приводят одного поэта к созерцанию, другого – к защите догмы: «Дант приносит верующим утешение, Достоевский пытается обратиться к вере отпавших от корней религиозного мировоззрения. Но оба выступают как религиозные учителя. Оба склоняются, всматриваясь, над глубочайшими безднами зла, оба провожают грешную и ищущую спасения душу по трудному пути ее восхождения, оба вкушают блаженство божественной гармонии. Оба стремятся указать своему народу его историческое призвание в свете христианского идеала» [20, с. 98–99].

Однако у Данте, насколько можно судить, Иванов не наблюдает того эмпатического проникновения, о котором говорит применительно к Достоевскому. «Дант – спасен изначально; поэтому ведет его верный и надежный вожатый»¹⁵; Достоевский же содержит в своей душе как светлое, так и темное начало, и потому может проникать взглядом художника в опасные глубины проклятых и по всем божеским и человеческим законам осужденных душ, ища в них «свет, не обьятый тьмой» [20, с. 99].

Данте, согласно Иванову (очевидно, вдохновленному идеями, высказанными Вл. Соловьевым в «Смысле любви» [19])¹⁶, совершает как духовное, так и творческое восхождение благодаря эросу, вызывающему в поэте восторг и ве-

¹² См.: Иванов В. Ты еси // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 262–268 [21]. «Выход за пределы себя самого, переход за крайние границы собственной имманентности означает встречу, в святейшем в человеке, с Богом, как с существом абсолютным и существенно от него отличным, хотя и живущим в нем и в невыразимом слиянии теснейшим образом с ним связанным» (см.: Иванов В. Anima // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 283 [22]).

¹³ См.: Иванов В. Достоевский. Трагедия – миф – мистика / под ред. А.Б. Шишкина, О.Л. Фетищенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 30.

¹⁴ «У слова “Данте” здесь особая судьба: это знак учительной традиции, энциклопедии символов, а “Божественная Комедия” стала ... идеальным образцом образно-мировоззренческой архитектоники» [3, с. 51; 23, с. 274].

¹⁵ См.: Иванов В. Достоевский. Трагедия – миф – мистика / под ред. А.Б. Шишкина, О.Л. Фетищенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 99.

¹⁶ См.: Дзуцева Н.В. «Вечная женственность» Вл. Соловьёва в эстетико-философском дискурсе Вяч. Иванова // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 1(29). С. 94 [24]; Аксенов-Меерсон М. Созерцаньем Троицы святой... Парадигма любви в русской философии Троичности. Киев: Дух и літера, 2008. С. 145–146.

душему к «мистической эпифании»¹⁷. «От влюбленности в прекрасное тело души, вырастая, восходит до любви к Богу, – пишет Иванов в «Мыслях о символизме». – Наслаждение красотой, подобно влюбленности в прекрасную плоть, оказывается начальной ступенью эротического восхождения» [25, с. 606]¹⁸. Здесь, как и в эссе «О границах искусства», Данте оказывается идеальным примером символиста-визионера: автор приводит в пример конечные стихи «Рая», интерпретируя слово *amore* как «бог Любви». Общий сюжет и отдельные образы «Новой жизни» и «Комедии» используются Ивановым как иллюстрации к его собственным тезисам. В частности, мистический экстаз в первой статье и весь духовный путь Данте во второй статье, согласно Иванову, вдохновляются идеальной женской фигурой – Беатриче, *donna angelicata*, дантовская любовь к которой, вполне в духе софиологии Серебряного века, трактуется как основной двигатель сюжета «Новой жизни» и один из основных – в «Комедии». Описывая дантовский экстаз, Иванов утверждает, что за эротическим восторгом у поэта-созерцателя следует «отчуждающее восхождение» на уровень «сверхчувственной отрешенности»¹⁹, помогающее подняться до «подлинной высоты, до суровой

¹⁷ См.: Иванов В. О границах искусства // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 630.

¹⁸ «Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он [человек – К.Л.] учится открывать на каждой новой ступени в любимом все большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, – пока, в своем алкании безусловного бытия в другом сущем, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюбленного, объемлющего, утверждающего и спасающего в себе все другие любви, и не причастится от Него истинному богосыновству» (см.: Иванов В. Прологомены о демонах. Лик и личины России // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 248 [26]).

Розой рдяною процвел
Мертвый ствол
В день, когда, тобой волнуем,
Я, затворник немоты,
Слову «ты»
Научился – поцелуем.

В поцелуе – дверь двух воль,
Рай и боль:
«Ты» родилось, – у порога
Третий тихо отвечал
И помчал

Эхом «ты» к престолу Бога (см.: Иванов В. Человек // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 212 [27]). Это стихотворение Г.В. Обатнин связывает с филией, а не с эросом (о филии см. ниже), однако это, по-видимому, лишь гипотеза. См.: Обатнин Г.В. Φιλία Вяч. Иванова как ракурс к биографии // *Donum homini universalis*: сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелёва / сост. Н.А. Богомолов, А.В. Лавров, Г.В. Обатнин. М.: ОГИ, 2011. С. 227–228 [28]. Л. Силард справедливо отмечает, что «в мире Вяч. Иванова весьма значим и эротический путь к трансцензусу, акцентируемый некоторыми полуэзотерическими толкованиями символики креста» (см.: Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 58 [29]).

¹⁹ См.: Иванов В. О границах искусства // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 638.

пустыни», за порогом которой созерцателя ждет «мир бесплотных идей»²⁰ – очевидно, платоновских эйдосов. Само же восхождение человека и художника видится Иванову как «подвиг разлуки и расторжения, утраты и отдачи»²¹; это уход в область «сверхличного»²², откуда затем духовный искатель уже может начать нисхождение «в сферу ... личного»²³, в нашу земную реальность, благовествуя о полученных откровениях, вызывая душевное переживание и сообщая другим внутренний опыт. Нисхождение (т.е. выход поэта из экстатического состояния и воплощение им полученного откровения в зримых формах творчества) видится Иванову при этом как милосердный поступок, как возможность пожертвовать благодатной мистической отрешенностью ради других – читателей, нуждающихся в наставлении поэта-теурга. Но без восхождения души, вдохновленной Эросом, «ее правое нисхождение, то есть акт любви-доброты, невозможны», замечает М. Цимборска-Лебода²⁴.

Если сопоставить реальный сюжет «Комедии» с его ивановской трактовкой, то в нем действительно можно найти немало схожего с описанием дантовского пути у Иванова; в частности, в тексте Данте восхождение к высшей сфере – вечному Эмпирею – происходит благодаря любви героя к Беатриче: в «Рая» Данте-персонаж словно теряет себя в экстазе, целиком погружая свой взор в глаза Беатриче, в результате чего осуществляется феномен *trasumanar* (Par. I, 70)²⁵ – выход героя за пределы человеческой природы, позволяющий ему оторваться от земли и подняться сквозь сферу огня к небесам Рая. Однако сами условия экстаза в дантовской поэме во многом отличаются от их ивановской интерпретации, хотя типологическое сопоставление средств описания трансцензуса у Данте и у Иванова и позволяет выявить связь с феноменом взаимопроникновения у обоих авторов.

Явление антропофагии, которое у Иванова в «Эллинской религии страдающего бога» трактуется как начальный этап исторического процесса, ведущего к таинству соборности и мистическому воссоединению с божеством, присутствует и в одном из наиболее известных (и чаще всего переводившихся в России, в частности, и в Серебряном веке) эпизодов дантовской «Комедии». В XXXII песни «Ада» рассказывается, что граф Уголино вгрызается в затылок

²⁰ См.: Иванов В. О границах искусства // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 643.

²¹ См.: Иванов В. Символика эстетических начал // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 824 [30].

²² Там же. С. 829.

²³ Там же. С. 827.

²⁴ См.: Цимборска-Лебода М. О понятии «трансцензуса» у Вячеслава Иванова: к проблеме «Вячеслав Иванов и Блаженный Августин». С. 451.

²⁵ См.: Alighieri D. La Commedia secondo l'antica vulgata / a cura di G. Petrocchi. Firenze: Le Lettere, 1994 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://danteonline.it/opere/index.php?opera=Commedia%20-%20ed.%20Petrocchi> (дата обращения: 20.12.2022) [31]. М.Л. Лозинский переводит это слово как «пречеловеченье» (см.: Алигьери Д. Божественная комедия. Новая жизнь / пер. М. Лозинского. М.: Иностранка (Азбука-Аттикус), 2016. С. 312 [33]).

архиепископа Руджери: «как едят хлеб, проголодавшись» (Inf. XXXII, 127)²⁶. Как указывает Дж. Фреччеро (J. Freccero), интерпретируя этот отрывок, «согласно Августину, отстаивать собственную субъектность означает обращаться с другим как с объектом, превращая его в кусок хлеба»²⁷. Кроме того, если учитывать, что преломление хлеба между верующими имеет символическое значение близости, общения друг с другом, κοινωνία, то очевидно, что в эпизоде с графом Уголино Данте выстраивает модель, противоположную модели общения между верующими и, в частности, апостольской модели того состояния, при котором у них «одно сердце и одна душа»²⁸. По словам Дж. Барберри Скваротти, «Уголино и Руджери – это предельные случаи ... изоляции, без какого-либо намека на сообщество» [35, p. 287].

В работе Иванова о Достоевском также можно обнаружить трактовку образа антропофагии как символа разобщенности и объективации Другого²⁹ (сон Раскольников): «Ведь человек на протяжении тысячелетий привык в своих действиях не отделять себя от окружающего мира, и тем не менее в акте познания, который в конечном счете решает всё, он полагает всё лишь своим объектом; ища теперь в себе меру всех вещей, он близок к искушению признать лишь себя самого единственным источником всех норм. <...> Именно эту опасность Достоевский имеет в виду, когда говорит в эпилоге “Преступления и наказания” о “какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу”. Тут мы читаем: <...> воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. <...> До какой степени может доходить извращение, когда перестают уважаться достоинство и свобода человека, показано в “Легенде о Великом инквизиторе”: умнейшие и дерзновеннейшие из тех, которые мнят себя благодетелями глубоко презираемого ими рода человеческого и внутренне гордятся своей самоотверженностью, держат под своей безграничной тиранией обманутое ими и тем самым утешенное людское стадо, которому они обеспечивают пищу и плотские наслаждения. Но в конце этого процесса – антропофагия» [20, с. 27–32].

Таким образом, образ антропофагии в ивановских текстах амбивалентен: он может использоваться и как выражение первобытного стремления к слиянию со своим божеством через слияние с телом Другого (в дионисийских мистериях), и как его полярная противоположность – замыкание в границах соб-

²⁶ См.: Alighieri D. La Commedia secondo l'antica vulgata / a cura di G. Petrocchi. Firenze: Le Lettere, 1994 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://danteonline.it/opere/index.php?opera=Commedia%20-%20ed.%20Petrocchi> (дата обращения: 20.12.2022).

²⁷ См.: Freccero J. Dante: la poetica della conversione. Bologna: Il Mulino, 1989. P. 214.

²⁸ См.: Деян. 2: 46 [34].

²⁹ Термин «антропофагия» употребляется самим Достоевским в романе «Братья Карамазовы»: «О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией» (см.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Ч. 1–3 // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М.: Наука, 1991. С. 290 [36].

ственной субъектности. В первом случае антропофагия и духовное взаимопроникновение предстают звеньями одного и того же мистического процесса. У Данте же такой амбивалентности нет: отношения Уголино и Руджери, как и других грешников Ада, представляют собой лишь оппозицию отношениям между блаженными душами Рая, их пародийную, перевернутую модель, прежде всего потому, что пожирание друг друга имеет у Данте в первую очередь этический смысл, о котором Иванов в «Эллинской религии страдающего Бога» не упоминает. В самом деле, как замечает П. Дэвидсон, «Иванов, как последователь Диониса, не считал этическое измерение необходимой составляющей мистического опыта. <...> В понимании Иванова грех не обязательно является этической категорией; он может стать способом выйти за пределы индивидуальной самости и даже первым этапом инициации в мистический путь» [12, р. 129–130]. В этом, как было сказано выше, исследовательница и усматривает коренное отличие Иванова от Данте. Напомним в этой связи и известные слова С.С. Аверинцева: «С чем у него были трудности, долго были ... – так это уж скорее с понятием заповеди, простого и однозначного Божьего запрета на грех» [37, с. 63].

Тема мистического взаимопроникновения, однако, раскрывается и у Данте тоже, но уже в «Раю». Как известно, сам сюжет «Рая» заключается в восхождении героя на десятое небо Эмпирея по девяти небесным сферам, а двигателем сюжета является сопровождающий это восхождение постоянный диалог поэта с обитателями Эмпирея, которые нисходят навстречу Данте-персонажу, чтобы ответить на его вопросы о тайнах бытия и помочь ему приблизиться к цели его пути – созерцанию тайны Троицы. Об общих причинах радостной готовности, с которой все блаженные души встречаются с Данте, читатель узнает на первых же страницах, еще в третьей песни, где герой беседует с блаженной Пиккардой:

«Она в ответ, с готовностью и со смеющимся взглядом:

«Наша любовь не затворяет врат
перед праведным желанием, как и та любовь,
которая хочет уподобить себе весь свой двор».

[«Ond'ella, pronta e con occhi ridenti:

«La nostra carità non serra porte
a giusta voglia, se non come quella
che vuol simile a sé tutta sua corte».] (Par. III, 42–45) [31]³⁰.

Героем движет стремление к познанию блаженного бытия, а святыми – стремление удовлетворить его из милосердной любви (*caritas*); динамику отношений между ними лучше всего описывают слова св. Августина: «Каких же не обязаны мы употреблять усилий к тому, дабы все участвовали в любви Гос-

³⁰ В целях сохранения верности подлиннику здесь и далее дословный перевод с итальянского наш. – К.Л.

пода, радость о Котором составляет блаженство жизни нашей» [38]. Как отмечает исследователь поэтики общения в «Комедии», «Данте показывает богословие через человеческую встречу»³¹. В свою очередь, само блаженство святых в теологической системе дантовского «Рая» было бы невозможно без любви друг к другу:

«И, чем больше людей там наверху влюбляются,
тем больше там любви, и тем больше там любят,
и, словно зеркала, передают любовь друг другу».
[«E quanta gente più là su s'intende,
più v'è da bene amare, e più vi s'ama,
e come specchio l'uno a l'altro rende.»] (Purg. XV: 73–75) [31].

Однако любовь в «Раю» не только является общим абстрактным условием вечного блаженства святых, но и предстает в своих конкретных видах, в частности в земной дружеской любви, сопровождающей восхождение Данте-персонажа³². Как любовь святых, так и конкретная дружеская привязанность сопровождаются познанием сокровенных мыслей и чувств главного героя. Так, в VIII песни «Рая» безвременно погибший принц Карл Мартелл, друг и покровитель Данте, вспоминает об их дружбе на земле:

«Ты сильно любил меня, и был совершенно прав:
ведь, если бы я подольше пробыл внизу, я показал бы тебе
гораздо больше, чем вершки моей любви».
[«Assai m'amasti, e avesti ben onde;
che s'io fossi giù stato, io ti mostrava
di mio amor più oltre che le fronde».] (Par. VIII, 55–57) [31].

В то же время Мартелл видит радость своего друга, поскольку созерцает Бога, совершенное зеркало, в котором блаженные видят отраженными мысли друг друга; Данте же радуется его словам о личной дружбе, связывавшей их на земле, и эта его радость тем более приятна ему, что отражается в зеркале небесного блаженства:

«Поскольку я думаю, что высокая радость,
которую внушает мне твоя речь, о мой сеньор,
там, где всякое благо завершается и начинается,
видна тебе так же, как и я вижу ее»
она еще более мила мне; и это [чувство] мне также мило,
ибо ты зришь его, созерцая Бога.»

³¹ См.: Webb H. Dante's Persons: An Ethics of the Transhuman. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 175 [39].

³² См. об этом подробнее: Ланда К. Поэтика радости в «Комедии» Данте. Оригинальный текст и канонический перевод. СПб.: Алетейя, 2021. С. 229–275 [40].

[«Però ch'ì credo che l'alta letizia
che 'l tuo parlar m'infonde, signor mio,
là 've ogne ben si termina e s'inizia,
per te si veggia come la vegg'io»
grata m'è più; e anco quest' ho caroto
perché 'l discerni rimirando in Dio.] (Par. VIII, 85–90) [31].

Земная дружба, филия, оказывается неперменной составляющей восхождения; даже на самых высших его ступенях у Данте не звучит «Нет Земле»³³.

Данте-персонаж стремится постичь мысли и чувства своих небесных собеседников. Вплоть до Эмпирея – сферы вечности, в которой воскресение уже состоялось, он встречает только души вне воскресших тел и потому видит не лица, а лишь световые оболочки-коконы, скрывающие души. Между внутренним и внешним измерениями образуется динамическое напряжение, обусловленное желанием героя проникнуть, с одной стороны, физическим взглядом за эту оболочку, чтобы увидеть лица собеседников, а с другой – духовным взором в их души, чтобы «познать всё, подобно тому, как [он] познан»³⁴ ими.

Кульминацией этого напряжения в поэтическом языке становится образование неологизмов с семантикой умозрительного взаимопроникновения в IX песни, следующей за песнью Карла Мартелла, где Данте обращается к блаженному трубадуру Фолько Марсельскому:

«Бог видит все, и твое зрение проникает в него»,
молвил я, «о блаженный дух, так, что ни одно
желание не может укрыться от тебя.
Так отчего же твой голос, что вечно веселит небо
вместе с пением тех благочестивых огней,
которые носят клобук из шести крыл,
не удовлетворит мои желания?
Уж я бы не стал ждать твоего вопроса,
если бы проникал в тебя так, как ты проникаешь в меня».

[«Dio vede tutto, e tuo veder s'inluia»,
diss'io, «beato spirto, sì che nulla
voglia di sé a te puot'esser fuia.
Dunque la voce tua, che 'l ciel trastulla
sempre col canto di quei fuochi pii
che di sei ali facien la coculla,
perché non satisface a'miei disii?
Già non attendere' io tua dimanda,
s'io m'intuassi, come tu t'inmii».] (Par. IX, 73–81) [31].

³³ См.: Иванов В. Символика эстетических начал // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. С. 826.

³⁴ См.: Библия. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. 1 Кор. 13:12.

Три глагольных неологизма в этих сроках *s'inluia*, *m'intuassi* и *t'inmii*, образованные путем прибавления приставки *in-* (в, внутрь) к основе личных местоимений *lui* (он), *tu* (ты) и *mi* (меня) и означающие, если попытаться передать их по-русски дословно, «внегоивается», «втебяивался» и «вменяиваешься», отражают процессы *compenetrazione* (взаимопроникновения)³⁵ – реального и чаемого – между тремя субъектами: святым трубадуром, Данте и самим Творцом.

Т. Баролини (Т. Barolini) называет эти неологизмы утверждением «трансцендентной лингвистической эротики»³⁶, «риторическим совокуплением»³⁷; и, возможно, неслучайно они звучат именно в небе Венеры, то есть в небе душ, которые на земле находились под влиянием этой сферы – где Данте и встречается с Фолькетто. Однако описание взаимопроникновения в этом эпизоде, скорее всего, было результатом вдохновения христианскими доктринами мистического тела Церкви и Троицы³⁸.

Само явление взаимопроникновения лиц Троицы друг в друга подробно и ярко описано у Иоанна Дамаскина, который, в частности, утверждает: «Ипостаси находятся Одна в Другой, не так, чтобы Они сливались, но так, что тесно соединяются, по слову Господа, сказавшего: Аз во Отце, и Отец во Мне (Ин. 14, 11). <...> Они соединяются, как мы говорили, не так, чтобы сливались, но так, что тесно примыкают – Один к Другому и имеют взаимное проникновение без всякого слияния и смешения»³⁹.

Данте мог быть знаком с этой риторикой, так как содержавший ее трактат «Точное изложение православной веры» (*De fide orthodoxa*) был переведен на латинский язык еще в 1150 г. и пересказан в «Сумме» Петра Ломбардца; имя же Дамаскина упоминается самим поэтом в его послании к итальянским кардиналам⁴⁰. Если это так, то можно предположить, что, употребляя неологизмы местоименной основы с семантикой взаимопроникновения в контексте постоянной диалектики между внутренним и внешним пространством, Данте вводит в область межличностных отношений тринитарную модель. В этом его поэтика оказывается близка и созвучна тем русским философам Серебряного века, которые

³⁵ См.: Ланда К. Поэтика радости в «Комедии» Данте. Оригинальный текст и канонический перевод. СПб.: Алетеия, 2021. 540 с. [41].

³⁶ См.: Barolini T. Dante's Poets: Textuality and Truth in the "Comedy". Princeton, NJ.: Princeton University Press, 1984. P. 116 [42].

³⁷ Там же.

³⁸ Отношения между лицами Троицы, согласно Х. Вебб (H. Webb), «представляют собой модель отношений между людьми в Раю» (см.: Webb H. Dante's Persons: An Ethics of the Transhuman. P. 168); о мистическом теле Церкви см.: Mersch É., Brunet R. Corps mystique // Dictionnaire de Spiritualité ascétique et mystique: Doctrine et histoire: en 15 t. T. 2 / sous la dir. de M. Viller. Paris: Beauchesne, 1953. P. 2378–2403 [43].

³⁹ См.: Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры, I, 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-verj/1_10 (дата обращения: 20.12.2022) [44].

⁴⁰ См.: Simonetti M. Giovanni Damasceno // Enciclopedia Dantesca: in 6 vol. Vol. 3 / a cura di U. Bosco. Roma: Treccani, 1984. P. 181 [45].

«возвратили в учение о троичности патристическое понятие перихорезиса, используемое прп. Иоанном Дамаскиным, и внесли в него персоналистский смысл»⁴¹. Она близка и поэтике проникновения у Вяч. Иванова, причем не только в работах о Достоевском, но и в мелопее «Человек», в частности в стихотворении «Памяти Вл. Эрна» (бывшего «до конца жизни ближайшим другом Иванова»⁴²), где отношения между близкими также описываются по тринитарной модели (Дух соединяет в общении двух созерцающих друг друга субъектов; как и у Данте, символом духовного взаимопроникновения служит здесь взор):

Свершается Церковь, когда
Друг другу в глаза мы глядим
...
Начертано Имя на нем:
Друг в друге читаем сей знак;
Взаимное шепчем Аминь,
И Третий объемлет двоих [27, с. 215].

Для сравнения приведем комментарий Х. Вебб к последним песням «Рая»: «Говоря о Данте, мы должны выйти за рамки модели отношений “субъект-объект”»⁴³. Согласно исследовательнице, каждый из двух собеседников в диалогах на пути к экстазу проникает взглядом в другого, и именно это проникновение обеспечивает возможность созерцания ими Третьего, который также смотрит на них. Созерцаемый всегда является созерцателем, или, вернее, со-созерцателем, «по подлинно Тринитарной модели, в рамках которой не существует ‘объекта’, а триада создается тремя субъектами, и взгляды их соединяются в круговой линии»⁴⁴.

И у Иванова, и у Данте речь идет уже не только об эресе, но и о братской любви, филии, которая играет также центральную роль в размышлениях П. Флоренского о месте тринитарной модели в дружеских взаимоотношениях⁴⁵: Любовь к брату – это явление другому, переход на другого, как бы втечение в другого того вхождения в Божественную жизнь, которое в самом Богообщающемся субъекте создается им как ведение Истины. <... > Любовь любящего, перенося его Я в Я любимого, в Ты, тем самым дает любимому Ты силу познавать в Боге Я любящего и любить его в Боге. Подымаясь над границами своей природы, Я выходит из временно-пространственной ограниченности и входит в Вечность. Там весь процесс взаимоотношения любящих есть единый

⁴¹ См.: Аксенов-Меерсон М. Созерцанием Троицы святой... Парадигма любви в русской философии Троичности. С. 31.

⁴² См.: Кейдан В. По усмотрению искусства. Данте в переводе В.Ф. Эрн и Вяч. Иванова // *Европа Orientalis*. 2003. Вып. 1(22). С. 222 [46].

⁴³ См.: Webb H. Dante's Persons: An Ethics of the Transhuman. P. 202.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «Дружба для Флоренского, как брак для Соловьева, указывает на отношения Троицы» [18, с. 216].

акт, в котором синтезируется бесконечный ряд, бесконечная серия отдельных моментов любви. Этот единый, вечный и бесконечный акт есть единосущие любящих в Боге. Вместо отдельных, разрозненных, самоупорствующих Я получается двоица – двуединое существо, имеющее начало единства своего в Боге: “*finis amoris, ut duo unum fiant*; предел любви – да двое едино будут”. Но, притом, каждое Я, как в зеркале, видит в образе Божиим другого Я свой образ Божий» [47].

Согласно А.Б. Шишкину и Г.В. Обатнину, представление о филии как о понятии, принадлежащем христианской этике, употребление его в теологическом ключе, было отнюдь не чуждо Иванову: само стихотворение «Памяти Вл. Эрна» в двух беловых автографах (из Пушкинского Дома и из Римского архива), датированных 10 февраля, очевидно, в 1915 г., носило название *Φιλία* (без посвящения Эрну)⁴⁶. Стихотворение интересно для нас, в частности, тем, что, органично вписываясь в концепцию «Ты еси», то есть в общую систему идей Иванова о проникновении в Другого как о неперменном условии соприкосновения с божественным началом, оно, однако, не остается абстрактным: в нем присутствует значимый элемент личной привязанности, земной дружбы, точь-в-точь как в дантовских терцинах, посвященных диалогу с Карлом Мартеллом⁴⁷.

«Сладость и свет духовного с ним общения – таков был сокровенный замысел этих строк, – поясняет Иванов в так и не опубликованной работе, подготовленной уже после смерти Эрна, с которым поэт действительно связывали теснейшие отношения⁴⁸. – Какое-то целомудренное чувство [запретило] воспрепятствовало мне признаться, что я говорю о нем» [48, с. 115]. Далее Иванов пишет, что близостью с Эрном «производилось очищение»⁴⁹ в душе самого автора. Таким образом, в творчестве Иванова также можно найти примеры мистического созерцания, опосредованного дружеской любовью, а не эротическим восторгом.

Тем не менее в своих текстах о Данте Иванов никак не подчеркивает роли взаимопроникновения святых душ и главного героя «Комедии» в описании мистического экстаза: по его мнению, предпосылкой и условием восхождения самого Данте является именно эротический восторг в отношениях с Беатриче, в

⁴⁶ См.: Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским / публ. игумена Андроника (А.С. Трубачева), Д.В. Иванова, А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования / отв. ред. Л.А. Гогтишвили, А.Т. Казарян. М.: Русские словари, 1999. С. 109 [48]; Обатнин Г.В. *Φιλία* Вяч. Иванова как ракурс к биографии. С. 215 [28].

⁴⁷ См.: Обатнин Г.В. *Φιλία* Вяч. Иванова как ракурс к биографии. С. 215 [28]; Кейдан В. «Друг другу в глаза мы глядим...»: хроника дружбы Вячеслава Иванова и Владимира Эрна // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / под ред. Н.Ю. Грякаловой, А.Б. Шишкина. СПб.: РХГА, 2016. С. 162–196 [49].

⁴⁸ См.: Кейдан В. «Друг другу в глаза мы глядим...»: хроника дружбы Вячеслава Иванова и Владимира Эрна. С. 162–196 [49]; Марченко О. Память сердца // Марченко О. *Fabulae selectae*. М.: Асхань, 2016. С. 159–165 [50].

⁴⁹ См.: Обатнин Г.В. «*Φιλία*» Вяч. Иванова как ракурс к биографии. С. 222.

то время как в действительности в поэме восхождение немислимо и без иного вида любви, проявляющегося, в частности, в диалогах героя с земными знаковыми, родственниками и известными поэту историческими персонажами, ныне приобщенными к небесной славе.

В «Раю» феномен духовного взаимопроникновения описан ярче всего отнюдь не в эпизодах, посвященных созерцанию Беатриче, а в рассмотренных выше сценах бесед с земным другом Карлом Мартеллом и трубадуром Фолько Марсельским. Если в трактовке Иванова дантовский экстаз – как и экстаз любого истинного символиста – начинается с эроса, а заканчивается восхождением в сверхчувственную область и далее встреча с Другим связывается уже с нисхождением обратно в тварный мир, то у самого Данте процесс экстаза обусловливается и определяется взаимным духовным умопостижением. В творчестве же Иванова взаимопроникновение подается как неперенное условие грядущей соборности: «...грядущая Мистерия в истинном, т.е. теургическом, значении этого слова будет похожа на то собрание верных, когда “все они были единодушно вместе”, при наступлении дня первой Пятидесятницы по Воскресении Господнем...» [13, с. 650]⁵⁰.

Однако такая мистерия, по мысли Иванова, ждет единое человечество лишь в будущем, в то время как в настоящем художник в экстазе претерпевает «отрешенный, белый разрыв с зеленым долом»⁵¹. Идея разрыва с зеленым долом как начала соединения с духом звучит и в одноименном стихотворении из книги «Кормчие звезды»:

Дерзни восстать земли престолом!
Крылатый напряги порыв!
Верь духу – и с зеленым долом
Свой белый торжествуй разрыв! [52, с. 603].

В поэтике Данте риторике торжества разрыва не обнаружить. Для него, напротив, уже в сам момент экстаза, для того чтобы его диалог с вечностью мог состояться, необходимо соединение – «святых общение», понятое не как обращение к сверхличному, а как выход во внеличное через личное. Интенсивное воздействие присутствия каждого из блаженных друг на друга совершенно у святых и частично доступно самому Данте после его пречеловечения.

Таким образом, оригинальное описание дантовского экстаза отличается от его ивановской интерпретации тем, что «Ты еси» обращено не только к Беатриче и от нее к Творцу, но и к ближнему, к другу, взгляд на которого позволяет Данте увидеть Бога в нем и вместе с ним. Такая концепция экстаза необы-

⁵⁰ См. также: Шор-Дешарт О. Введение // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 9 [51].

⁵¹ См.: Иванов В. Символика эстетических начал // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. С. 825.

чайно близка ивановской идее о мистическом прозрении через таинство межличностных отношений – в том числе, и в рамках филии, а риторика описания этих отношений родственна риторике, используемой в стихотворении «Памяти Вл. Эрн» и работе о Достоевском. Недаром и к «Комедии» Данте, и к текстам Иванова оказываются применимы категории персоналистской философии Бубера и Левинаса⁵². Однако сам Иванов, насколько можно судить, не обнаруживает данной параллели и, соответственно, не распространяет ее на концепцию восхождения в статьях, где Данте является основной моделью символистского творчества.

Список литературы

1. Цимборска-Лебода М. О понятии «трансцензуса» у Вячеслава Иванова: к проблеме «Вячеслав Иванов и Блаженный Августин» // Вяч. Иванов: Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология: в 2 т. Т. 2 / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. С. 445–455.
2. Махлин В. «Ты еси»: Достоевский между Вяч. Ивановым и М.М. Бахтиным // Вяч. Иванов: Pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология: в 2 т. Т. 2 / сост. К.Г. Исупов, А.Б. Шишкин. СПб.: ЦСО, 2016. С. 50–76.
3. Isupov K.G. Germeneytika Vyacheslava Ivanova // Simvolizm i germeneytika. Т. 18 / red. R. Mnich, R. Bobryk. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2012. S. 47–98.
4. Лаппо-Данилевский К.С. Римские поэты в трактате Данте «Монархия»: неизвестные переводы Вячеслава Иванова // Русская литература. 2013. № 2. С. 173–179.
5. Топорков А.Л. Отзвуки Данте в «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова // Память литературного творчества / под ред. Л.И. Сазоновой. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 519–536.
6. Полонский В.В. Русский Данте конца XIX – первой половины XX в.: опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Литературоведческий журнал. 2015. № 37. С. 111–130.
7. Ланда К. К вопросу о дантовских влияниях в ранней поэзии Вячеслава Иванова (1904–1919): поэтика «прозрачности и отражения» // Europa Orientalis. 2016. № 35. С. 235–266.
8. Панова Л. Италиянься, русея: Данте и Петрарка в художественном дискурсе Серебряного века от символистов до Мандельштама. М.: РГГУ, 2019. 672 с.
9. Ланда К.С. «Божественная комедия» в зеркалах русских переводов. К истории рецепции дантовского творчества в России. СПб.: РХГА, 2020.
10. Каяниди Л. Вячеслав Иванов между Данте и Дионисом. Визионерский опыт поэта 1908 года и проблема тройственных союзов // Studi Slavistici. 2021. № 2(18). С. 57–76.
11. Лаппо-Данилевский К.С. Переводы Вячеслава Иванова из «Новой жизни» Данте // Studia Litterarum. 2022. № 4(7). С. 292–315.
12. Davidson P. The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's perception of Dante. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 319 p.
13. Иванов В. О границах искусства // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 627–651.

⁵² В частности, данные категории используются в работе В. Махлина применительно к Иванову и в работе Вебб применительно к Данте (см.: Махлин В. «Ты еси»: Достоевский между Вяч. Ивановым и М.М. Бахтиным. С. 50–76; Webb H. Dante's Persons: An Ethics of the Transhuman. Oxford: Oxford University Press, 2016. 223 p.).

14. Terras V. The Aesthetic Categories of Ascent and Descent in the Poetry of Vyacheslav Ivanov // Russian Poetics: Proceedings of the International Colloquium at UCLA. Sept., 22–26. 1975 / ed. by T. Eekman, D.S. Worth. Columbus: Slavica, 1982. P. 393–408.
15. Берд Р. Катарсис–Матезис–Праксис: Мистическая триада в эстетике Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2002. Вып. 1(21). С. 289–413.
16. Силард Л. К проблеме теургического постулата // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 307–346.
17. Иванов В. Эллинская религия страдающего бога / под ред. Г. Гусейнова // Символ. 2014. Вып. 64. С. 7–221.
18. Аксенов-Меерсон М. Созерцанием Троицы святой... Парадигма любви в русской философии Троичности. Киев: Дух и літера, 2008. 328 р.
19. Соловьев В.С. Смысл любви // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М.: Современник, 1991. С. 125–182.
20. Иванов В. Достоевский. Трагедия – миф – мистика / под ред. А.Б. Шишкина, О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 476 с.
21. Иванов В. Ты еси // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 262–268.
22. Иванов В. Anima // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 269–293.
23. Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов и открытие Достоевского в XX веке // Иванов В. Достоевский. Трагедия – миф – мистика / под ред. А.Б. Шишкина, О.Л. Фетисенко. СПб.: Пушкинский дом, 2020. С. 266–281.
24. Дзущева Н.В. «Вечная женственность» Вл. Соловьёва в эстетико-философском дискурсе Вяч. Иванова // Соловьёвские исследования. 2011. Вып. 1(29). С. 93–99.
25. Иванов В. Мысли о символизме // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. С. 604–612.
26. Иванов В. Прологомены о демонах. Лик и личины России // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 241–252.
27. Иванов В. Человек // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 195–242.
28. Обатнин Г.В. «Φύλλα» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Donum homini universalis: сб. статей в честь 70-летия Н.В. Котрелёва / сост. Н.А. Богомолов, А.В. Лавров, Г.В. Обатнин. М.: ОГИ, 2011. С. 214–247.
29. Силард Л. «Орфей растерзанный» и наследие орфизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 54–101.
30. Иванов В. Символика эстетических начал // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 823–830.
31. Alighieri D. La Commedia secondo l'antica vulgata / a cura di G. Petrocchi. Firenze: Le Lettere, 1994 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://danteonline.it/opere/index.php?opera=Commedia%20-%20ed.%20Petrocchi> (дата обращения: 20.12.2022).
32. Freccero J. Dante: la poetica della conversione. Bologna: Il Mulino, 1989. 358 p.
33. Алигьери Д. Божественная комедия. Новая жизнь / пер. М. Лозинского. М.: Иностранка (Азбука-Аттикус), 2016. С. 43–442.
34. Библия. Брюссель: Жизнь с Богом, 1989. 2535 с.
35. Bárberi Squarotti G. L'artificio dell'eternità // Bárberi Squarotti G. Studi danteschi. Verona: Fiorini, 1972. P. 283–332.
36. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Ч. 1–3 // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. М.: Наука, 1991. 294 с.
37. Аверинцев С.С. «Скворешниц вольных граждан...». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб.: Алетейя, 2002. 177 с.

38. Августин Аврелий. Христианская наука, или Основания герменевтики и церковного красноречия, I, 30 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovaniya-germenevtiki-i-tserkovnogo-krasnorechija/#0_2 (дата обращения: 20.12.2022).
39. Webb H. Dante's Persons: An Ethics of the Transhuman. Oxford: Oxford University Press, 2016. 223 p.
40. Ланда К. Поэтика радости в «Комедии» Данте. Оригинальный текст и канонический перевод. СПб.: Алетейя, 2021. 540 с.
41. Chiavacci Leonardi A.M. Commento al Paradiso IX, 73. [Электронный ресурс]. Bologna: Zanichelli, 2001. Режим доступа: <https://dante.dartmouth.edu/> (дата обращения: 20.12.2022).
42. Barolini T. Dante's Poets: Textuality and Truth in the "Comedy". Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. 312 p.
43. Mersch É., Brunet R. Corps mystique // Dictionnaire de Spiritualité ascétique et mystique: Doctrine et histoire: en 15 t. T. 2 / sous la dir. de M. Viller. Paris: Beauchesne, 1953. P. 2378–2403.
44. Дамаскин Иоанн. Точное изложение православной веры, I, 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-verj/1_10 (дата обращения: 20.12.2022).
45. Simonetti M. Giovanni Damasceno // Enciclopedia Dantesca: in 6 vol. Vol. 3 / a cura di U. Bosco. Roma: Treccani, 1984. P. 181.
46. Кейдан В. По усмотрению искусства. Данте в переводе В.Ф. Эрн и Вяч. Иванова // Europa Orientalis. 2003. Вып. 1(22). С. 219–231.
47. Флоренский П. Столп и утверждение истины [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhenie-istiny/5 (дата обращения: 20.12.2022).
48. Переписка Вячеслава Иванова со священником Павлом Флоренским / публ. игумена Андроника (А.С. Трубачева), Д.В. Иванова, А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования / отв. ред. Л.А. Гоготишвили, А.Т. Казарян. М.: Русские словари, 1999. С. 93–120.
49. Кейдан В. «Друг другу в глаза мы глядим...»: хроника дружбы Вячеслава Иванова и Владимира Эрн // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / под ред. Н.Ю. Грякаловой, А.Б. Шишкина. СПб.: РХГА, 2016. С. 162–196.
50. Марченко О. Память сердца // Марченко О. *Fabulae selectae*. М.: Асхань, 2016. С. 152–173.
51. Шор-Дешарт О. Введение // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 7–227.
52. Иванов В. Разрыв // Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 603.

References

(Sources)

Collected Works

1. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy. Ch. 1–3 [The Karamazov Brothers. Part 1–3], in Dostoevskiy, F.M. *Sobranie sochineniy v 15 t., t. 9* [The Complete Works in 15 vol., vol. 9]. Moscow: Nauka, 1991. 294 p.
2. Ivanov, V. Anima [The Soul], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [The Complete Works in 4 vol., vol. 3]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979, pp. 269–293.
3. Ivanov, V. Mysli o simvolizme [Thoughts on Symbolism], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [The Complete Works in 4 vol., vol. 2]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1974, pp. 604–612.
4. Ivanov, V. O granitsakh iskusstva [On the Limits of Art], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 2* [The Complete Works in 4 vol., vol. 2]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1974, pp. 627–651.

5. Ivanov, V. Prolegomeny o demonakh. Lik i lichiny Rossii [Prolegomena on Demons. The Face and Facets of Russia], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [The Complete Works in 4 vol., vol. 3]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979, pp. 241–252.
6. Ivanov, V. Razryv [Rupture], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [The Complete Works in 4 vol., vol. 1]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1971, p. 603.
7. Ivanov, V. Simvolika estetcheskikh nachal [The symbolism of aesthetic principles], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [The Complete Works in 4 vol., vol. 1]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1971, pp. 823–830.
8. Ivanov, V. Ty esi [Thou art], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [The Complete Works in 4 vol., vol. 3]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979, pp. 262–268.
9. Ivanov, V. Chelovek [The Man], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 3* [The Complete Works in 4 vol., vol. 3]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1979, pp. 195–242.
10. Shor-Deshart, O. Vvedenie [Introduction], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. 1* [The Complete Works in 4 vol., vol. 1]. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1971, pp. 7–227.

Individual Works

11. Alig'eri, D. *Bozhestvennaya komediya. Novaya zhizn'* [The Divine Comedy. The Vita Nova]. Moscow: Inostranka (Azbuka-Attikus), 2016, pp. 43–442.
12. *Bibliya* [The Bible]. Bruxelles: Zhizn' s Bogom, 1989. 2535 p.
13. Ivanov, V. *Dostoevskiy. Tragediya – mif – mistika* [Dostoevsky. Tragedy – Myth – Mysticism]. Saint-Petersburg: Pushkinkiy Dom, 2021. 476 p.
14. Ivanov, V. Ellinskaya religiya stradayushchego boga [The Hellenic Religion of the Suffering God], in *Simvol*, 2014, issue 64, pp. 7–221.
15. Perepiska Vyacheslava Ivanova so svyashchennikom Pavlom Florenskim [The Epistolary Exchange between V. Ivanov and Pavel Florenskiy], in *Vyacheslav Ivanov: Arkhivnye materialy i issledovaniya* [Vyacheslav Ivanov: Archival materials and research]. Moscow: Russkie slovari, 1999, pp. 93–120.
16. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The Meaning of Love], in Solov'ev, V.S. *Smysl lyubvi: Izbrannyye proizvedeniya* [The Meaning of Love: Selected Works]. Moscow: Sovremennik, 1991, pp. 125–182.
17. Shishkin, A.B. Vyacheslav Ivanov i otkrytie Dostoevskogo v XX veke [Vyacheslav Ivanov and the rediscovery of Dostoevsky in the 20th century], in Ivanov, V. *Dostoevskiy. Tragediya – mif – mistika* [Dostoevsky. Tragedy – Myth – Mysticism]. Saint-Petersburg: Pushkinkiy Dom, 2021, pp. 266–281.

(Articles from Scientific Journals)

18. Berd, R. Katarsis–Matezis–Praksis: Misticheskaya triada v estetike Vyach. Ivanova [Catharsis – Mathesis – Praxis – The Mystical Triad in Vyacheslav Ivanov's Aesthetics], in *Europa Orientalis*, 2002, issue 1(21), pp. 289–413.
19. Dzutseva, N.V. «Vechnaya zhenstvennost'» VI. Solov'eva v estetiko-filosofskom diskurse Vyach. Ivanova [Vladimir Solovyov's Concept of the Eternal Feminine in Vyacheslav Ivanov's Aesthetic-Philosophical Discourse], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2011, issue 1(29), pp. 93–99.
20. Kayanidi, L. Vyacheslav Ivanov mezhdru Dante i Dionisom. Vizionerskiy opyt poeta 1908 goda i problema troystvennykh soyuzov [Vyacheslav Ivanov between Dante i Dionysus. The Poet's Visionary Experience of 1908 and the Problem of Triple Unions], in *Studi Slavistici*, 2021, no. 2(18), pp. 57–76.
21. Keydan, V. Po usmotreniyu iskusstva. Dante v perevode V.F. Erna i Vyach. Ivanova [At the Discretion of Art. Dante in Vladimir Ern's and Vyacheslav Ivanov's Translations], in *Europa Orientalis*, 2003, issue 1(22), pp. 219–231.
22. Landa, K. K voprosu o dantovskikh vliyaniyakh v ranney poezii Vyacheslava Ivanova (1904–1919): poetika «prozrachnosti i otrazheniya» [On the Question of Dantean Influences in Vyacheslav Ivanov's Early Poetry – the Poetics of Transparency and Reflection], in *Europa Orientalis*, 2016, no. 35, pp. 235–266.

23. Lappo-Danilevskiy, K.S. Rimskie poety v traktate Dante «Monarkhiya»: neizvestnye perevody Vyacheslava Ivanova [Roman Poets in Dante's Treatise "Monarchy": Unknown Translations by Vyacheslav Ivanov], in *Russkaya literatura*, 2013, no. 2, pp. 173–179.

24. Lappo-Danilevskiy, K.S. Perevody Vyacheslava Ivanova iz «Novoy zhizni» Dante [Vyacheslav Ivanov's Translations from Dante's "Vita Nova"], in *Studia Litterarum*, 2022, no. 4(7), pp. 292–315.

25. Polonskiy, V.V. Russkiy Dante kontsa XIX – pervoy poloviny XX v.: opyty retseptsii i interpretatsii klassiki do i posle revolyutsionnogo poroga [Russian Dante of the Late 19th – First Half of the 20th Century: Experiences of Reception and Interpretation of the Classics before and after the Revolutionary Threshold], in *Literaturovedcheskiy zhurnal*, 2015, no. 37, pp. 111–130.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

26. Isupov, K.G. Germenevtika Vyacheslava Ivanova [The Hermeneutics of Vyacheslav Ivanov], in *Simvolizm i germenevtika. T. 18* [The Symbolism and the Hermeneutics. Vol. 18]. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2012, pp. 47–98.

27. Keydan, V. «Drug drugu v glaza my glyadim...»: khronika druzhby Vyacheslava Ivanova i Vladimira Erna ["We look into each other's eyes...": a Chronicle of Vyacheslav Ivanov's and Vladimir Ern's Friendship], in *Vyacheslav Ivanov. Issledovaniya i materialy*, vyp. 2 [Vyacheslav Ivanov. Studies and Materials, issue 2]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2016, pp. 162–196.

28. Makhlin, V. «Ty esi»: Dostoevskiy mezhdru Vyach. Ivanovym i M.M. Bakhtinym ["Thou art": Dostoevsky between Vyach. Ivanov and M.M. Bakhtin], in *Vyach. Ivanov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vyacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. T. 2* [Vyach. Ivanov: Pro et Contra. Vyacheslav Ivanov's Personality and Oeuvre in the Studies of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Vol. 2]. Saint-Petersburg: TsSO, 2016, pp. 50–76.

29. Mersch, É., Brunet, R. Corps mystique, in *Dictionnaire de Spiritualité ascétique et mystique: Doctrine et histoire: en 15 vol., vol. 2*. Paris: Beauchesne, 1953, pp. 2378–2403.

30. Obatnin, G.V. «Φιλία» Vyach. Ivanova kak rakurs k biografii [Vyacheslav Ivanov's "Φιλία" as an Angle to his Biography], in *Sbornik statey v chest' 70-letiya N.V. Kotreleva «Donum homini universalis»* [Collection of articles in honor of the 70th anniversary of N.V. Kotreleva "Donum homini universalis"]. Moscow: OGI, 2011, pp. 214–247.

31. Simonetti, M. Giovanni Damasceno, in *Enciclopedia Dantesca: in 6 vol., vol. 3*. Roma: Treccani, 1984, p. 181.

32. Terras, V. The Aesthetic Categories of Ascent and Descent in the Poetry of Vyacheslav Ivanov, in *Russian Poetics: Proceedings of the International Colloquium at UCLA. Sept., 22–26. 1975*. Columbus: Slavica, 1982, pp. 393–408.

33. Toporkov, A.L. Otvuki Dante v «Povesti o Svetomire tsareviche» Vyach. Ivanova [Echoes of Dante in Vyach. Ivanov's "The Tale of Tsarevich Svetomir"], in *Pamyat' literaturnogo tvorchestva* [The Memory of Literary Creation]. Moscow: IMLI RAN, 2014, pp. 519–536.

34. Tsimborska-Leboda, M. O ponyatii «transsenzusa» u Vyacheslava Ivanova: k probleme «Vyacheslav Ivanov i Blazhenny Avgustin» [On the Concept of "Transcensus" in Vyacheslav Ivanov: Revisiting the Question of Vyacheslav Ivanov's Engagement with St Augustine], in *Vyach. Ivanov: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Vyacheslava Ivanova v otsenke russkikh i zarubezhnykh mysliteley i issledovateley. T. 2* [Vyach. Ivanov: Pro et Contra. Vyacheslav Ivanov's Personality and Oeuvre in the Studies of Russian and Foreign Thinkers and Researchers. Vol. 2]. Saint-Petersburg: TsSO, 2016, pp. 445–455.

(Monographs)

35. Aksenov-Meerson, M. *Sozertsan'em Troitsy svyatoy... Paradigma lyubvi v russkoy filosofii Troichnosti* [The Trinity of Love in Modern Russian Theology]. Kiev: Dukh i litera, 2008. 328 p.

36. Averintsev, S.S. «Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...». *Vyacheslav Ivanov: put' poeta mezhdru mirami* ["Skvoreshnits vol'nykh grazhdanin...". Vyacheslav Ivanov: a Poet's Journey between the Worlds]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2002. 177 p.
37. Bárberi Squarotti, G. L'artificio dell'eternità, in Bárberi Squarotti, G. *Studi danteschi*. Verona: Fiorini, 1972, pp. 283–332.
38. Barolini, T. *Dante's Poets: Textuality and Truth in the "Comedy"*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. 312 p.
39. Davidson, P. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov. A Russian Symbolist's perception of Dante*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 319 p.
40. Freccero, J. *Dante: la poetica della conversione*. Bologna: Il Mulino, 1989. 358 p.
41. Landa, K. *Bozhestvennaya komediya v zerkalakh russkikh perevodov. K istorii retseptsii dantovskogo tvorchestva v Rossii* [The Divine "Comedy" in the Mirrors of Russian Translations: on the History of the Reception of Dante's Works in Russia]. Saint-Petersburg: RKhGA, 2020. 644 p.
42. Landa, K. *Poetika radosti v «Komedii» Dante. Original'nyy tekst i kanonicheskiy perevod* [The Poetics of Joy in Dante's "Comedy". The Source-text and the Canonic Translation]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2021. 540 p.
43. Marchenko, O. *Pamyat' serdtsa* [The Memory of the Heart], in Marchenko, O. *Fabulae selectae*. Moscow: Askhan', 2016, pp. 152–173.
44. Panova, L.G. *Ital'yanias', ruseya: Dante i Petrarka v khudozhestvennom diskurse Serebryanogo veka ot simvolistov do Mandel'shtama* [Becoming Italian, Becoming Russian: Dante and Petrarch in the Artistic Discourse of the Silver Age from the Symbolists to Mandelstam]. Moscow: RGGU, 2019. 672 p.
45. Szilard, L. K probleme teurgicheskogo postulata [Notes on the Problem of the Theurgic Postulate], in Szilard, L. *Germetizm i germenevtika* [Hermetism and Hermeneutics]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2002, pp. 307–346.
46. Szilard, L. «Orfey rasterzannyi» i nasledie orfizma ["Orpheus Torn into Pieces" and the Legacy of Orphism], in Szilard, L. *Germetizm i germenevtika* [Hermetism and Hermeneutics]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2002, pp. 54–101.
47. Webb, H. *Dante's Persons: An Ethics of the Transhuman*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 223 p.

(Electronic Resources)

48. Alighieri, D. *La Commedia secondo l'antica vulgata*. Firenze: Le Lettere, 1994. Available at: <https://danteonline.it/opere/index.php?opera=Commedia%20-%20ed.%20Petrocchi>.
49. Avgustin, Avreliy. *Khristianskaya nauka, ili Osnovaniya Germenevtiki i Tserkovnogo Krasnorechiya, I, 30* [De Doctrina Christiana, I, 30]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/hristianskaja-nauka-ili-osnovaniya-germenevtiki-i-tserkovnogo-krasnorechiya/#0_2.
50. Chiavacci Leonardi, A.M. *Commento al Paradiso IX, 73*. Bologna: Zanichelli, 2001. Available at: <https://dante.dartmouth.edu/> (дата обращения: 20.12.2022).
51. Damaskin, Ioann. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very, I, 8* [An Exact Exposition of the Orthodox Faith]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very/1_10.
52. Florenskiy, P. *Stolp i utverzhdienie istiny* [The Pillar and Ground of the Truth]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdienie-istiny/5.